

К ЭТИМОЛОГИИ ТЮРКСКИХ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ *BU* И *BUL* 'ЭТОТ', 'ЭТА', 'ЭТО'

Желтов П. В.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д.15), e-mail:chnk@mail.ru

Предложена этимология тюркских указательных местоимений *bu* (формы – *bu/bo/pu/po/pǔ/*bı/vu/wu*) и *bul* (формы – *bul/bol/bul/bıl/bıl*). Исходя из сравнения с протезированными формами чувашского лично-указательного местоимения 3-го лица единственного числа *vU* (формы – *vu/vo*) и *vǎl(ǎ)* (формы – *vǐ(ǐ)/vǒl(ǐ)/vul(ǐ)*) – 'он', 'она', 'оно' || 'этот', 'эта', 'это') и на основании того, что *v*-протезирование как системное явление, присутствующее во всех диалектах и говорах, свойственно из тюркских языков только чувашскому, сделан вывод о том, что тюркские указательные местоимения *bu* и *bul* являются субстратными заимствованиями из булгаро-чувашского (*bu<vu, bul<vul*).

В качестве доказательства субстратной гипотезы приводится имя вождя племени *kǔmǔš budun* 'серебряный народ' – *kǔmǔl Ögä* 'серебряный Огя' (присутствующий в слове *kǔmǔl* 'серебряный' ламбдаизм ~ чув. *kǔmǔl* противопоставлен тюркскому сигматизму в слове 'кǔмǔш') из рунической надписи (древнетюркской) из Кижилг-хобу (современная Республика Тува, Россия).

Ключевые слова: этимология, указательные местоимения, чувашский язык.

TOWARDS THE ETYMOLOGY OF THE TURKIC DEMONSTRATIVE PRONOUNS *BU* AND *BUL* 'THIS'

Zhelto P. V.

I. N. Ulyanov's Chuvash State University Cheboksary, Russia (428015, Cheboksary, Moscow prospect, 15), e-mail:chnk@mail.ru

Is proposed the etymology of Turkic demonstrative pronouns *bu* (forms – *bu/bo/pu/po/pǔ/*bı*) and *bul* (forms – *bul/bol/bul/bıl/bıl*). On the basis of the comparison with prosthesis forms of Chuvash personal-demonstrative pronoun of 3-rd person singular *vU* (forms – *vu/vo*) and *vǎl(ǎ)* (forms – *vǐ(ǐ)/vǒl(ǐ)/vul(ǐ)*) 'he', 'she', 'it' || 'this') and on basic of the fact that *v*-prosthesis as a regular phenomena, present in all dialects and locals, is proper among Turkic languages only to Chuvash, is made the conclusion that Turkic demonstrative pronouns *bu* and *bul* are substractum loanwords from the ancient Bulgar-Chuvash language (*bu<vu, bul<vul*).

As a proof of substratum hypothesis is cited the name of the chieftain of the tribe *kǔmǔš budun* 'silver people' – *kǔmǔl Ögä* 'silver Ögä' (the lambdaizm present in *kǔmǔl*-Chuvash 'кǔмǔл' is opposed to Turkic sigmatizm in 'кǔмǔш') from runic inscription of Kijilig-khobu (contemporary Tuva Republic, Russia).

Key words: etymology, demonstrative pronouns, Chuvash language.

Введение

Этимология тюркских указательных местоимений *bu* и (тур., аз., гаг., кр.-тат., кбал., кир., ног., узб., каз.-тат., кар., кум. *бу* | *bu*, кр.-тат. диал., кир. диал. *бо* | *bo*, сюг., алт. диал. *по* | *po*, сал., сюг., алт. диал. *пу* | *pu*, сиб.-тат. *нү* | *рй*) и *bul* (кир. *бул* | *bul*, уйг. диал. *бу(л)* | *bu(l)*, турк. диал. *бул* | *bul*, узб. диал. *бол* | *bol* и *был* | *bil*, ккал. *бул* | *bul*, каз. *бул* | *bul*, башк. *был* | *bıl*) до сих пор остается неисследованной [13].

Попытка этимологизация этих указательных местоимений сделана лишь В. В. Радловым, который предположил, что форма *bul* происходит из *bu* 'этот' + *ol* 'он' [12]. Такого же мнения придерживался и К. Брокельман [18]). Это, однако, не намного приближает исследования по этому вопросу к истине, т.к. этимология формы *bu* остается

нераскрытой. Э. В. Севортян, приводя этимологию В. В. Радлова и К. Брокельмана, никак ее не комментирует [13].

Результаты исследования и их обсуждение

Интересен и тот факт, что Э. В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков», буква «Б» [13], приводя различные варианты этих указательных местоимений, никак не комментирует отсутствие в этом ряду чувашских форм.

Действительно, в функциональном плане точным соответствием тюркских указательных местоимений *bu* и *bul* является чувашское указательное местоимение *ку* | *ки* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’, которое на первый взгляд никак с ними не связано.

Однако в чувашском языке имеются протезированные аналоги тюркского лично-указательного местоимения 3-го лица ед. числа: тюрк. *o|o, y|u* || *ol|ol, ul| ul* ~ чув. *ву|ви, во|во* || *вӑл(ӑ) | вӑл(ӑ), вул(ӑ) | вул(ӑ)* ‘он’, ‘она’, ‘оно’ || ‘этот’, ‘эта’, ‘это’.

Форма *ви* употребляется в говорах д. Бигильдино (Козловский район Чувашской Республики, средний диалект) и д. Салабайкасы (Чебоксарский район Чувашской Республики, верховой диалект), а форма *во* – в говорах с. Эльбарусово (Марпосадский район, средний диалект) и д. Уразметово (Козловский район, средний диалект).

Эти формы зафиксированы ещё Н. И. Ашмариним в его «Словаре чувашского языка» [2].

Очевидно, что в чувашских формах лично-указательного местоимения 3-го лица ед. числа *ви, во, вӑл(ӑ), вул(ӑ)* имеем дело с так называемой протезой *v* (губно-зубной звук в чувашском), т.к. во-первых, им соответствуют тюркские непротезированные аналоги *o,u* || *ol, ul*, а во-вторых, существуют и чувашские непротезированные формы (без анлаутного *v*-): *y|u* (средний диалект) и *ул(ӑ) | ул(ӑ), ѓл(ӑ) | ѓл(ӑ)* (средний и низовой диалекты). Также известно, что исторически тюркскому нуль-звуку (\emptyset) соответствует болгаро-чувашский начальный *v*, чув. *вонӑ / вунӑ | vonnӑ / vunnӑ*, булг. эпитаф. ن و vn ~ тюрк. *on* ‘десять’ и т.п.

Это губно-зубное *v* четко фиксируется в славянской передаче в «Именнике болгарских князей» VIII в.н.э.: *вѢ чем* ‘третий’ ~ булг. эпитаф. $\text{جم و (вав-джим-мим) vġt}$ ~ чув. *вѣсѣм/вицѣм* в *вѣсѣм/вицѣм сол* ‘позапрошлый год’ и чув. порядковое числит. *вицѣмѣш* ‘третий’ (*вицѣм* + афф. 3-го л. *-ѣш(ѣ)* ~ тюрк. *-сы/-си*).

Известно, что при заимствовании иноязычных слов с анлаутным губно-зубным *v* (*в*) в кыпчакские языки оно передается либо через взрывное *b* (*б*), либо через губно-губное *w* (полугласный), либо не передается вовсе – это связано с отсутствием губно-зубного *v* в кыпчакских языках, ср. рус. *ведь* > тат. *бум/bit*, рус. *воронка* > тат. *бүрәнкә | büränkä*, чув. *вакӑ | вақӑ, vagӑ*, булг.-чув. **vakĭ, *väkĕ, *vekĕ* > тат. *бәке | bäkĕ*, > ккал. *үки | ūki* ‘прорубь’.

Последнее слово проникло также в разное время и в финно-угорские языки, ср. марл. *ваке*, марг. *вӑкы*, венг. *vék* [17]. Башк. *маке/ тӓкӗ* ‘прорубь’ заимствовано из булг.-чув. вероятно опосредованно, через тат. *бәке| бӓкӗ* (б-/м-).

Интересными являются также такие дублеты с *v*-протезированием или с переходом *b>v*, как уйг. *vörpüš//örpüš* ‘поцелуй’ ~ общетюрк. *örpüš* ~ чув. *ун-* ‘целовать’ в *унӗлтӗк* (тюрк. аффикс рефлексива *-iŷ* ~ чув. *-ӗл*) ‘поцелуемся’ [3], а также чув. *вун* в *вунӑр* ‘вампир’ (досл. ‘целующий’) = *вун-* + *-ӑр* ‘древний аффикс причастия’ (~тюрк. *-ар*, ср. тур. *yazar* ‘писатель’) (этимологию *вун* ‘порча’ + *-ӑр* = ‘портящий’ считаем вторичным переосмыслением), уйг. диал. *vol-* ‘быть’ ~ уйг. *bol-* ‘быть’ ~ общетюрк. *bol-* ~ тур. *ol-*, а также сал. *avo* // *oʷul* ‘мальчик’, ‘сын’ и тур. *evlât* ‘дети’ = *evl-* (? булг.-чув. **avl / ävl* ‘сын’) + араб. суффикс мн. числа *-at* (собств. тур. огуз. *oğlu* ‘сын’), проникший и широко употребляющийся в персидском (формы *-at/-ğat*, форма *-ğat* образована от первой уже в персидском языке и в арабском отсутствует), где он образует мн.ч. и от собственно перс. слов. Сал. *avo/ avi* [16] ‘сын’, ‘мальчик’ и тур. *evl-* в *evlât* сближаются с чув. *ывӑл* ‘сын’. Сюда же относится сал. *vi* ‘он’ ~ чув. *ву/во* ‘он’, узб. хорезм. *wu* ‘он’ (наряду с *vi* в сал. существует и форма *pu* ‘он’ [16]) ~ чув. *ву/во*. Как известно, чувашский противопоставляется другим тюркским языкам как по соответствию чув. *v* ~ тюрк. *ø*-звука, так и по соответствию чув. *v* ~ тюрк. *ʏ*.

С этой позиции (чув. *v* ~ тюрк. *ʏ*) возможно сближение сюг. *qol* // *gol* и чув. *vӑл* ‘он’, ‘она’, ‘оно’ // ‘этот’, ‘эта’, ‘это’, а также чув. *ву/во* и чув. *ку* ‘это’, ‘эта’, ‘этот’. При этом в сюг. формах произошло ослабление исходного увулярного *ʏ:ʏ → q // g*, то же, скорее всего, произошло и в чув. форме *ку* (**ʏu > *qu // gu > ku*).

Доказательством исходного *ʏ* в чув. *ку* является указательное местоимение *ʏu* (*гьу* в орфографии источника) в северокавказских рунических надписях из Хумары (Хумара 4) [6].

Турецкая форма *ol-* и тур. диал. форма *ol-* общетюрк. глагола *bol-* ‘быть’, а также сал. *vī(l)*, уйг. *vol-* ‘быть’ также возможно указывают на пратюрк. **ol-* ‘быть’ и на развитие формы *bol-* (в последовательности *vol->bol-*) из говоров булг.-чувашского типа. Тогда, совр. чув. *n-* в *пол-* ‘быть’ вполне может быть возведено к булг. *б*, а булг. *б* к прабулг. *в-[v]*. Развитие пратюркских долгих гласных в болгарском языке могло быть таким: пратюрк. *ō >* прабулг. *“o>wo>βo>vo>древнебулг. bo*. Тогда имеем прабулг. *βol-, vol-* ‘быть’ > древнебулг. *b^ool->* ср.-булг., др.-чув. *>bol->* чув. *pol-*. При этом вероятнее всего развитие *b- < b^o- < β-*, а не *b- < b^o < v-*, т.е. *v-* формы являются конечными, тупиковыми.

Заметим, что хотя в современном чувашском языке имеем *пол-/нул-* ‘быть’, некоторые чувашские слова с анлаутным *n* в современном произношении переданы в словаре Д. С.

Руднева (т.н. словарь епископа Дамаскина) 1785 г. через *б*, например *бось* ‘голова’ ~ совр. чув. верх. *ноç*. При этом не ясно извлекал ли составитель их из речи (в речи в интервокальной позиции анлаутное *п*- чувашских слов часто озвончивается), или они представляют собой слова, изолированно произнесенные респондентами автора.

Дело в том, что звук *β* – билабиальное *w*, образуемое более плотным смыканием губ, чем тат. и удм. *w*, существует в фонетической системе малокарачкинского говора верхового диалекта чувашского языка, при этом в малокарачкинском говоре он встречается в анлауте изолированно произнесенных слов. Более того, в данном говоре он чередуется с *v* в протезированных словах, ср. общечув. *утă* ‘сено’, ‘трава’ ~ малокар. *вутă*, *βутă*, что было зафиксировано еще в [1] Н. И. Ашмариным. При полном смыкании губ, это *β* превращается в *б*, т.е. становится смычным. Считается, что звук *β* в этом говоре является субстратным явлением горномарийского языка, т.к. он замещает чув. - *п*- [*β*] в интервокальной позиции. Однако в современном горномарийском языке имеем только губно-зубное -*в*-.

Здесь следует заметить, что Э. Р. Тенишев и его коллеги считали, что *v*-протезирование чувашских форм указывает не на первичность долгих гласных в пратюркском и на последующее их разложение на консонантный элемент и гласный (по схеме *o:ʔ o~"o~vă*), а по закону Рамстедта – Пельо на первичный сильный согласный *b~p*, *v~f*, *k~g* [15].

Сюда же, по мнению Э. Р. Тенишева и его коллег, относится и дифтонгизация широких губных гласных в казахском, каракалпакском и гагаузском языках, а также примеры с анлаутным *v*- вместо общетюркского *ø*-звука в тюркских языках (саларском, уйгурском и огузских), сближаемые с их чувашскими аналогами.

При этом, авторы, однако, совершенно не учитывают тот факт, что чувашский кластер *ăvă/(ăva)/ěvě/(ěve)*, равно как и якутский нисходящий дифтонг *uo* последовательно соответствует тюркскому инлаутному *o*, ср. в анлауте: тюрк. *ol* ‘он’ ~ чув. *văl* ~ як. *uol*; в инлауте: тюрк. *bol* ‘быть’ ~ як. *buol*; чув. *кăвак* ‘синий’ ~ тюрк. *kök* ‘синий’, чув. *кěвě* ~ тат. *кăй* ~ каз. *күй* ‘мелодия’, откуда реконструируются пратюркские долгие *ō* и *ō̄*.

Тюркские языки не имеют тенденцию к элизии интервокальных инлаутных сильных согласных, поэтому в случае исходного сильного согласного он должен был бы сохраниться в тюркских словах, и имели бы не *kök*, а *kövök/köböök* и т.п.

Заметим также, что саларские, уйгурские и огузские примеры носят спорадический, а не системный характер, более того, тюркские по происхождению слова (их «тюркскость» устанавливается по чувашским или межтюркским параллелям, и что важно (*sic!*) – нет межтюркских параллелей без чувашских) на букву *v*- в этих языках единичны (подавляющее

большинство слов на *v*- являются арабо-персидскими или поздними русскими заимствованиями), и все имеют чувашские аналоги, как было показано выше на примерах.

А вот в чувашском языке большинство слов на *в*- являются исконными и имеют тюркские параллели с *φ*-звуком (исключая параллели типа вышеуказанных с *v*-/*w*-, которые, на наш взгляд, являются булг. заимствованиями).

Поэтому, считаем, что эти явления в тюркских языках есть следствие влияния болгаро-чувашского субстрата.

Выводы

Таким образом, есть все основания выводить общетюркское указательное местоимение *бу* из болгаро-чувашского *ву/во* или **βу/βо*, а киргизскую форму *бул* из более общей болгаро-чувашской формы *въл* или **βъл*.

Так как указательное местоимение *bi* фиксируется уже в древнетюркских рунических надписях VIII–IX вв. н.э., то предположительная датировка времени заимствования из древнеболгаро-чувашского языка может быть отнесена к III–IV вв. н.э., когда после распада хуннской державы и исхода древнеболгаро-чувашских племен (носителей тюркского языка *r-l*-типа) из центральноазиатских степей, последние стали заселяться древнетюркскими племенами (носителями общетюркского языка *z-š*-типа), ассимилировавшими остатки болгаро-чувашских племен (субстрат).

Последние привнесли в тюркский язык *z-š*-типа значительное количество слов с характерным для болгаро-чувашского языка протезированием, ламбдаизмом и ротацизмом так, что *v*-, *l*- и *r*- формы стали употребляться параллельно с *φ*-, *š*- и *z*-формами (как, например, *u/o* || *bu/bo* – ‘он’, ‘она’, ‘оно’ || ‘этот’, ‘эта’, ‘это’; *jaš* || *jil* – ‘год’, ‘возраст’; *qazaq* || *qaraq* – ‘вор’, ‘разбойник’).

В качестве доказательства субстратной гипотезы можно привести имя вождя племени *kümüš budun* ‘серебряный народ’ – *kümüš Ögä* ‘серебряный Огя’ (присутствующий в слове *kümüš* ‘серебряный’ ламбдаизм ~ чув. *кёмёл* противопоставлен тюркскому сигматизму в слове ‘*kümüš*’) из рунической надписи (древнетюркской) из Кижилиг-хобу (современная Республика Тува, Россия) [11].

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1929. Т. IV. 352 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1930. Т. V. 420 с.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Т. III. 1929. 364 с.
4. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. / Н. И. Ашмарин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Т. XII. 1937. 320 с.
5. Абдуллаев Ф. А. Хоразм шеваларининг таснифи масаласи / Ф. А. Абдуллаев. Ташкент: Фан, 1960. 70 с.
6. Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам / С. Я. Байчоров. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1989. 294 с.
7. Ганиев Ф. А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. Казань: Дом печати, 2005. 360 с.
8. Джунусбеков А. К. Акустико-артикуляторные характеристики гласных казахского языка / А. Джунусбеков // Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969. С. 70-71.
9. Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии / И. А. Керимов. Махачкала, 1967. 153 с.
10. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.
11. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков / С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 116 с.
12. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. СПб., 1893–1911. Т. I–IV.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общие и межтюркские основы на букву «Б» / Э. В. Севортян; отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. 349 с.
14. Татарско-русский словарь. М.: Наука, 1966.
15. Тенишев Э. Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Э. Р. Тенишев и др. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 484 с.
16. Тенишев Э. Р. Саларские тексты / Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1960. 141 с.
17. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. Т. 1. 172 с.
18. Brockelmann С. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens / С. Brockelmann. Leiden, 1954. 384 с.

19. Kowalski T. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est / T. Kowalski // Memoires de la commission orientaliste. Krakow: Polska akad. Umjelnosci, 1933. № 16. 38 с.
20. Zaiączkowski A. Chapitres choisis du Vocabulaire arabe-kiptchak «ad-Durrat al-mudīa fi-l-luġat at-turkīya» / A. Zaiączkowski // Rocznik Orientalistyczny. 1965. T. XXIX. С. 39-38.

Рецензенты:

Корнилов Геннадий Емельянович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»), г. Чебоксары.

Сергеев Виталий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения имени М. Р. Федотова (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»), г. Чебоксары.